

Гавронский В. Евреи в произведениях Чехова // Новое русское слово. Нью-Йорк, 1960. 14 февраля. № 17132. С. 5, 8.

ЕВРЕИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ЧЕХОВА

В. Гавронский

Много говорилось об отсутствии тенденциозности, пропаганды какой-либо идеи в произведениях Чехова. И все-же, как у большинства авторов, и в чеховских творениях сказываются, сознательно или бессознательно, его личные взгляды, симпатии и антипатии. И они определяют в значительной степени, то впечатление, которое производят на нравственное сознание читателя выведенные Чеховым характеры русских людей. Есть и несколько изображений евреев. Каково было «отношение» Чехова к обрисованным им еврейским фигурам? Не произошла ли, в течении его жизни, перемена в этом его отношении и, если это было так, чем была эта перемена вызвана?

В писаниях юного Чехова, в его фельетонах, можно найти несколько насмешек над евреями. Чехов высмеивал их безграмотность («Объявление зубного врача Гвалтера»); находил в них также ту черту, которая столь «не нравилась» ему (и не только в евреях!) их любовь к деньгам и наживе. Первыми еврейскими характерами, полно изображенными Чеховым, являются 2 еврея, выведенные им в его ранней пьесе (1881), оставшейся без заглавия: Венгерович 1-ый (отец) и Венгерович 2-ой (сын). Венгеровича 1-го надо причислить, в социальном отношении, к нарождавшейся в то время (80-е годы) еврейской буржуазии. Это ловкий и умный еврей, изживший большое состояние скупкой кабаков. Венгерович 1-ый не только привержен к материальным благам, чадолобив и умен, он хотел бы добиться почта и уважения. Верно подмеченная черта — у этого недавнего раба, зависевшего от всех, унижаемого всеми, почти бесправного в тогдашней России. Над этим «ожиревшим, позолоченным выскочкой» злобно и язвительно издевается неудачник и обличитель всех неправд, Платонов (главный герой пьесы). А Венгерович не только чувствует остро всякую несправедливость, он и истинный «оси-ну» «искалечить» Платонова и при этом не забыть сказать, что это «от благодарного кабатчика».

Венгерович 2-ой (сын), воспитанный в богатстве и в роскоши, испорчен, исковеркан этим воспитанием. В нем проявляется известный протест против «золотых оков», но дальше слов он не идет: пожертвовать в пользу бедных ту золотую цепь (символ), которую он носит, он не согласен. Венгерович 2-ой, со всем своим либеральничаньем, не «светлая личность» (каковой считает себя Платонов): на жертвенные по-

ступки во имя идеала он не способен. Исаак обрисован слабым и неврастеничным юнцом и в сцене своего признания в любви к генеральше.

Однако, другой юноша, выведенный в пьесе, Глагольев 2-ой (русский), просто развратный кутила, фат и лгуни. По сравнению с ним даже Венгерович 2-ой выигрывает. Это последнее весьма важно для характеристики отношения Чехова к людям вообще и к евреям в частности: уже в молодости (ему было тогда 21 год) Чехов стремился к полной правдивости, «непредвзятости» изображений.

После довольно большого перерыва, Чехов опять коснулся евреев в своих произведениях. В 1886 году им были написаны 3 рассказа, в которых выведены евреи. В первом из этих рассказов («Знакомый мужчина»), героиней которого является женщина легкого поведения, «преlestнейшая Ванда», обрисован Финкель, вык-рест-еврей, по профессии дантист. Это лишенный всякого сознания собственного достоинства развратный гуляка, знающий, однако, как загребать деньги. В рассказе, помимо темы «денег», намечена и другая, которой Чехов будет теперь интересоваться; ее можно назвать «евреи и перемена религии». Известно, что Чехов сам религиозен не был. Но он понимал, какое значение имеет религия для души верующего. Перемена религии из-за соображений материальной выгоды была, в глазах писателя, поступком глубоко отвратительным, ибо являлась пренебрежением высшими духовными ценностями человека. Этим объяснялось отношение Чехова к евреям, менявшим веру, чтобы получить права, к Финкелю, например.

Во втором из рассказов 1886 года, обрисованы евреи, в «Аптекарьше». Черноморский и к изображен в тонах почти карикатурных: он спит и сны видит, как бы ему нажить побольше денег. Зато героиня рассказа, аптекарша, вызывает к себе симпатию читателя. В изображении ее нет, никакой «предвзятости»; она описана в тонах общечеловеческих, почти — в духе Вальтера Скоттовских героинь — евреек (в «Айвенго», например).

В «Тине» (1886 г.) еще далее развиты две переплетающиеся между собой темы: стремление к благам материальным и отсутствие моральных или религиозных устоев, которыми первое стремление (страсть) могло быть обуздано. «Тина» — слово это относится, конечно, не только к Сусанне, еврейке, изображенной в рассказе. Тина — это вся скучная, пустая, лишенная каких-либо духовных запросов и со-

циальной деятельности, засасывающая жизнь глухой русской провинции 80-ых годов. Из этой тины вырастают иногда красивые, но ядовитые цветы, «живет», как говорит в рассказе помещик Крюков, «какая-то царица Тамара». Однако, привлекательная Сусанна оказывается способной, ради денег, на поступок явно нечестный, на преступление даже: она разывает, уничтожает предъявленный ей вексель. Какое впечатление производит — и производил — этот рассказ на читателя, в частности, тот факт, что Сусанна — еврейка? Ему начинает казаться следующее: (1) **Еврейка** способна быть одновременно и столь порочным созданием. (2) **Только еврейка** может обладать такой смесью привлекательных и порочных черт. И на читателя, современника Чехова, в особенности, читателя «Нового Времени» (антисемитской газеты, где рассказ «Тина» был впервые напечатан), Сусанна должна была производить именно такое впечатление.

Однако, это впечатление, это «распространенное толкование» образа Сусанны, очевидно, не входило в творческий замысел Чехова. Потому, думаю, не случайно выводит Чехов в одной из главных ролей драмы «Иванов», вскоре после «Тины» написанной, опять еврейку, но наделяет ее чертами, прямо противоположными Сусанне, восстанавливая, так сказать, «равновесие» в изображенных им еврейских характерах. С рассказом «Тина» заканчивается линия усиливающегося критического отношения Чехова к описываемым им еврейским характерам. Она уступает место другому отношению к евреям — и к человеку вообще — который объясняется, в первую очередь, начавшимися у Чехова увлечением моральными идеями Толстого (1886-1891 гг.). Если Чехов вскоре и отошел от крайностей толстовского учения, то все-же, нечто «от Толстого» осталось в писателе на всю жизнь: самая сущность моральной доктрины христианства. Это и не могло быть иначе, ибо соответствовало духовным стремлениям и самому складу характера Чехова.

Вернемся, однако, к «Иванову». «Сара» (жена Иванова) — почти святая, говорит о ней Шабельский, другой персонаж пьесы. В самом деле, выходя замуж за Иванова, Сара, ради своей любви к нему, бросает все: отчий дом, богатство, религию родителей, зная, что те ей этого никогда не простят. Но сам Иванов, если он вначале и имел возвышенные идеи и даже делал попытки полезной общественной деятельности (школы), скоро «выдохся» и «устал». То же произошло с его любовью к Саре, с той разницей, что охладев к ней, он начинает ухаживать за молодой Шурочкой. Сара видит, как они целуются. Она не в силах вынести измены Иванова: ведь он был всем для нее в жизни. И она осыпает его упреками, повторяя то, что слышала от других и раньше, но чему никогда не верила: он же нился на ней ради денег, надеялся, что родители, в конце концов, дадут ей приданое. Возмущенный Иванов бросает ей в ответ грубое слово «жидовка», а когда это, повидимому, не производит на нее особого впечатления, то «благородный» Иванов, чтобы добиться ее, садистически кричит, что жить-то ей осталось недолго, ведь все равно, она скоро умрет от чахотки. Этим он, действительно, уничтожает и последнее, что у Сары оставалось — самую привязанность к жизни, ее тлеющий огонек. Сара вскоре после этого умирает.

За исключением «долготерпения» трудно найти в характере Сары какие-либо типично «еврейские» черты. Как ранее аптекарша, так и она изображены Чеховым в общечеловеческих тонах. Перемена религии Сарой не может быть подвергнута никакой моральной оценке: она не была вызвана, ни идейными соображениями, ни мотивами материальной выгоды, а стихийной, все подчиняющей себе или все сметающей перед собою, страстью.

В рассказе «Перекасти-поле», (1887г.) описана встеча автора с молодым евреем, принявшим православие. Обращение Исаака (Александра Ивановича) не было вызвано сообра-

жениями выгоды, говорит Чехов. На вопрос писателя, что заставило его переменить религию, Исаак отвечал шаблонными фразами: «Новый Завет есть естественное продолжение Ветхого. Иуданам отжил свой век» и т.д. Это, конечно, не могло удовлетворить Чехова. «Однако», говорит писатель «как я ни бился и ни хитрил, причины остались для меня темными». Нельзя ли на основании того, что рассказал

Исаак Чехову о своей жизни и на основании его характера, столь точно описанного автором, увидеть, каковы были эмоциональные факторы, вызвавшие его обращение?

Исаак, с его детскими глазами, с его поисками опоры у других, не был, по природе, сильной натурой. Та относительно, ограниченная сила, которая у него была, ушла на его протест, на его борьбу с

(Окончание на 8 стр.)

ЕВРЕИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ЧЕХОВА

Начало на 5 стр.

отцом, на его уход из дому. Несчастный случай, происшедший с ним, уничтожил в нем последние остатки его юношеского порыва. Он встретил смерть, ее образ должен был преследовать его и натолкнуть на размышления о религии. В религии он мог найти необходимые ему, оставшемуся больным на всю жизнь, силу и те плоть и любовь.

Но в нем еще был жив протест против всего, что напоминало ему деспотизм отца: возврат к религии предков для Исаака был невозможен. Кроме того, в госпитале за ним ухаживали и спасли от смерти христиане. Эмоционально Исаак был вполне подготовлен к принятию христианства. Но, конечно, тут нужен был еще какой-то последний толчок, какое-то (или «что-то») влияние. Были это чей-то авторитетный голос извне или, что более вероятно, причиной тому послужило зарождавшееся чувство более нежного характера (о котором, как-раз, с неохотой рассказывают посторонним) — любовь к христианской девушке, Исаак не захотел поведать Чехову, и самое последнее из звеньев в истории его обращения неясно.

В следующем рассказе Чехова, где выведены евреи, в «Степи» (1888 г.) обрисованы три еврейские фигуры: содержатель постоялого двора, Моисей Моисеевич, Роза, его жена, и Соломон, его брат.

Чехов изощряет свой юмор над Моисей Моисеевичем с его смешными повадками, ужимками, речью, одеждой, а главное, над его подлобострастием и его многодетностью. Но Моисей, с его красивой, черной бородой, не лишен и привлекательных черт: это хороший семьянин, гостеприимный хозяин. Симпатична фигура Розы, его жены, этой еврейки с добрым сердцем.

Брат Моисея Моисеевича, Соломон, гораздо более интересная личность, чем сам Моисей или его жена. Наружностью Соломон, в своей одежке не по росту, смешон, но не смешон его характер, его речи. Если презрительная, почти гневная усмешка не сходит с его лица, то это, потому что он возмущен поведением брата, которого он считает «лакеем, ломающим дурака перед проезжими». Из-за чего? Из-за денег, конечно. А относительно денег у Соломона своя теория: из-за них на свете все зло, все издевательство и вся власть богатых над бедными, все подхалимство вторых перед первы-

ми. Соломон не только думает и говорит это, он и поступает согласно своим взглядам. Когда он получил от отца в наследство 6.000 рублей, он сжег эти деньги в печке. Рассказывая об этом, он говорит: «Значит, я умней вашего Варламова (русского миллионера, описанного в «Степи» — В.Г.) и больше похож на человека!» Соломон не только ненавидит рабство и размышляет о его причинах, он смел и не боится бросить правду в глаза тому же Варламову, который стегнет его за это плетью (а заодно и Моисея Моисеевича). Чехов, повидимому, сам не сознавая этого, изобразил в лице Соломона фигуру пророческого характера, прототип борца за раскрепощение личности, за человеческое достоинство, за идеал свободы и равенства — не только евреев, но человека вообще.

Последний из рассказов, в котором Чехов изобразил еврея — «Скрипка Ротшильда». В нем гробовщик, по прозвищу «Бронза», хорошо игравший на скрипке, искупает свою вину перед обиженным им бедным евреем — музыкантом, Ротшильдом, завещая ему то, что было для него самой дорогой вещью на свете, свою скрипку... Примирение между Бронзой и Ротшильдом, между православным и евреем, происходит в сфере искусства. В искусстве нет тех, пусть вековых, но ложных преград и предрассудков, которые поддерживают недоверие, вражду и неравенство между людьми.

Рассказ «Скрипка Ротшильда», в особенности, потому что это последнее из произведений Чехова, где им изображен еврей, получает для нас значение почти символическое. Вот так, чудится, должен быть разрешен, по мнению писателя, вековой антагонизм между не-евреями и евреями: первый шаг, искоренения несправедливого отношения, «искупления вины», должен быть сделан христианами.

Если правдивость, непредвзятость, глубокая человечность вообще характеризуют талант Чехова, то все-же, лишь во второй, зрелый период своего творчества сумел Чехов вполне освободиться, в изображении евреев, от влияния той среды, где он провел детство и юность, и от тех литературных шаблонов, которые были установлены задолго до него. Но тогда он нам дал ряд незабываемых еврейских фигур, которые останутся в мировой литературе.

В. Гавронский